

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Джозеф Кэмпбелл

МИФЫ ДЛЯ ЖИЗНИ

Мастера психологии (Питер)

Джозеф Кэмпбелл
Мифы для жизни

«Питер»

1972

УДК 159.923
ББК 88.37

Кэмпбелл Д.

Мифы для жизни / Д. Кэмпбелл — «Питер», 1972 — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-0498-7

Что такое мифы и какова их функция в обществе? Как мы можем использовать мифы, чтобы облегчить наши сегодняшние страдания и тревоги? Как мифы могут нам помочь в воспитании детей? В книге Джозеф Кэмпбелл исследует потенциал и мощь мифов и их ежедневное влияние на нашу современную жизнь, даже там, где мы этого не предполагаем. Он показывает, что для мифов не существует границ, они обращены к универсальным базовым архетипам, которые являются общими для всех времен и народов. Книга будет интересна психологам, педагогам, философам, социологам, культурологам, историкам.

УДК 159.923

ББК 88.37

ISBN 978-5-4461-0498-7

© Кэмпбелл Д., 1972

© Питер, 1972

Содержание

Предисловие	6
Предисловие автора	7
Глава I. Влияние науки на миф (1961)	8
Глава II. На заре человечества (1966)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джозеф Кэмпбелл

Мифы для жизни

Joseph Campbell
Myths to Live By

© 1972, Joseph Campbell Foundation (jcf.org) Collected Works of Joseph Campbell / Robert Walter, Executive Editor/David Kudler, Managing Editor”

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Мастера психологии», 2018

* * *

Предисловие

Оригинальный ум Питера Купера (1791–1883) – радикального вольнодумца-изобретателя, предпринимателя и политика, первого настоящего феминиста Нью-Йорка – дал начало, среди прочих великих дел, Куперовскому союзу по продвижению науки и искусства. Купер был обеспокоен как собственной необразованностью, так и пониманием, что в его время образование предназначалось только богатым и только мужчинам. Он изменил обе эти концепции, возможно, под влиянием движения Чатоква¹ и деятельности других филантропов. Его значимым и существенным вкладом была идея Форума и обучения тех, кто уже вышел из школьного возраста, приведшая к открытию первого в стране учебного заведения для взрослых.

Начиная с речи Авраама Линкольна и до наших дней со сцены Большого зала колледжа выступили более пяти тысяч спикеров и творческих работников, их идеи были услышаны многомиллионной аудиторией: одно мероприятие посещают в среднем более тысячи человек, выступления проходят три раза в неделю.

И сегодня – благодаря усилиям г-на Сеймура Сигеля и помощи г-на Бернарда Бака – новые лекции транслируются Нью-Йоркской муниципальной радиостанцией WNYC на аудиторию, в сотни тысяч раз большую. Уже сейчас это самая длинная серия радиолекций в истории. На директоре Форума, составляющем программу занятий, лежала потрясающая, но не терпящая постороннего давления интеллектуальная задача рассказать о прошлом и заглянуть в будущее. В заслугу Куперовскому союзу можно поставить то, что этот труд никогда не пытались прервать, направить или скорректировать.

Во время моей двадцатидвухлетней работы в Куперовском союзе я соблюдал одно правило. Каждый из более чем тысячи спикеров, которых я приглашал для лекции или выступления и представлял со сцены, должен был быть моим другом, – так же, как каждый зритель в зале и миллионы незримых радиослушателей. Трудно выбрать лучшего из них, но Джозеф Кэмпбелл, автор этой книги, воплощает собой высокий уровень коммуникации и интеллектуальности, необходимый для Форума. Он никогда не говорит по бумажке, его речь красива и ярка; он рассказывает прежде всего об идеях, которые наводят мосты между прошлым и будущим, между мирами Востока и Запада. Он прочитал на Форуме много замечательных лекций и даже целых циклов лекций, и слушать их всегда было радостью и наслаждением. Настоящая книга, основой которой стали эти чтения, выражает собой саму жизнь гуманитарных наук и лучшие принципы Форума Куперовского союза. Я горжусь тем, что принимал участие в ее создании.

Джонсон Фэйрчайлд, Нью-Йорк, 15 октября 1971

---

¹ Американское общественное движение по распространению образования среди взрослых жителей отдаленных сельских районов, существовавшее преимущественно в конце XIX – начале XX века. Название движения связано с озером Чатоква, где были проведены первые подобные занятия.

Предисловие автора

Из двадцати пяти лекций по мифологии, прочитанных в Большом зале Куперовского союза в Нью-Йорке между 1958 и 1971 годами, я отобрал и скомпоновал чертову дюжину – в четвертой главе объединены части двух лекций, прочитанных в одном году. Темами и названиями я обязан плодovitому уму доктора Джонсона Фэйрчайлда, председателя Форума, чьи остроумие, мудрость и личное очарование почти четверть века приводили в движение эту благословенную организацию. Бесконечным удовольствием от чтения этих лекций я, конечно, в какой-то мере обязан старинному, полному истинного величия Большому залу и пониманию, что Авраам Линкольн однажды выступал с той самой сцены, на которой стоял я (о, тайное ощущение причастности великому потоку истории американского красноречия!); но также, что гораздо ближе к дню сегодняшнему, открытости и вниманию зрителей, которых доктору Фэйрчайлду удавалось привлечь на многочисленные циклы публичных лекций и обсуждений, организованные им в этом гостеприимном зале. Когда после окончания лекции он носился с микрофоном туда-сюда по проходам, давая возможность каждому, кто поднял руку, прокомментировать, задать вопрос или выступить с сообщением, я как никогда раньше наслаждался возможностью разговаривать с доброжелательными слушателями о том, что волнует меня, словами, которые волнуют их. Надеюсь, что даже в более формализованной прозе этой книги останется что-то от живости и свежести моего наслаждения теми беседами.

Я действительно рад, что доктор Фэйрчайлд весьма любезно согласился представить книгу, как он представлял со сцены каждую лекцию, вошедшую в нее. Между прочим, последняя из них была прочитана 1 марта 1971 года, за день до его ухода в отставку с постов председателя Форума и директора Департамента обучения взрослых Куперовского союза, которые он занимал так долго. Я рассматриваю этот сборник лекций как символ признательности за его поддержку, горячую дружбу и всегда своевременные предложения тем и названий, благодаря которым я смог принести всех своих Божественных Буйволов, Кетцалькоатлей, Будд и Эльфийских Королей в потрясающе взаимно интересный диалог с сотнями слушателей, многие из которых оставались моей преданной аудиторией в течение долгого времени. В конце концов слушатели и были вдохновителями этих лекций. Хочу поблагодарить каждого из них так же, как и их председателя.

Я также благодарен техническому персоналу и сотрудникам радиостанции WNYC за магнитофонные записи лекций, которые использовал при написании книги, мисс Марсии Шерман – за то, что она стойко печатала и перепечатывала множество черновиков не только этих лекций, но и других, не вошедших в книгу, и моей жене Джин Эрдмен – во-первых, за идею превратить лекции в книгу, а во-вторых, за критику и предложения во время работы над ней.

Дж. К., Нью-Йорк, 4 июля 1971

Глава I. Влияние науки на миф (1961)

На днях, когда я обедал, сидя за стойкой в своем любимом кафе, туда зашел мальчуган лет двенадцати, со школьным ранцем за плечами и сел слева от меня. Следом за ним появился мальчик помладше, державший мать за руку, и они вдвоем заняли соседние места. Все сделали заказы. Пока мы ждали, парнишка слева, слегка повернувшись к матери, заявил: «Джимми написал сегодня сочинение про эволюцию человека, и учитель сказал, что он не прав и что Адам и Ева были нашими прародителями».

«Боже мой! – подумал я. – Ну и учитель!»

Дама, сидевшая через три стула от меня, ответила: «Учитель был прав. Нашими прародителями были Адам и Ева».

«Ну и мать у ребенка двадцатого века!»

Мальчик парировал: «Да, я знаю, но ведь это же была научная работа».

Я уже был готов рекомендовать наградить его медалью за выдающиеся заслуги от Смитсоновского института.

Мать, однако, сдаваться не собиралась. «Ох, уж эти ученые! – сказала она сердито. – Одни теории».

Но и тут мальчишка нашелся. «Да, я знаю, – был его спокойный и невозмутимый ответ, – но эта ведь подтверждена фактами: они нашли кости».

Подросли молоко с сэндвичами, и на том все закончилось.

Что ж, давайте теперь на мгновение задумаемся о сакральном мировоззрении, которое было разрушено фактами и находками таких вот неугомонных молодых искателей истины.

В расцвете Средневековья, скажем, в XII–XIII веках, имели хождение два очень различных взгляда на устройство Вселенной. Согласно более распространенному, Земля, плоская как тарелка, плавала в безграничном мировом океане, где каких только жутких чудищ не встретишь. Это было крайне древнее представление, уходящее корнями к раннему бронзовому веку. Оно появляется в шумерских клинописях примерно в 2000 г. до н. э., и именно такой взгляд канонизирован в Библии.

Более респектабельной концепцией было представление древних греков, согласно которому Земля являлась не плоским телом, а цельным неподвижным шаром в центре вложенных друг в друга, как матрешки, семи прозрачных вращающихся сфер. В каждой из них располагалась видимая планета: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн, – та самая семерка, по которой названы дни недели². Более того, тона звучания семи планет составляют «музыку сфер», которой соответствуют ноты нашей диатонической гаммы. Кроме того, с каждой сферой соотносился определенный металл: серебро, ртуть, медь, золото, железо, олово и свинец соответственно.

Душа, спускающаяся с небес, чтобы родиться на Земле, приобретала, воплотившись, свойства этих металлов: следовательно, наши души и тела состоят из тех же самых элементов Вселенной и, так сказать, поют ту же песню.

Музыка и искусства, согласно этому раннему взгляду, должны были напоминать человеку о гармониях, от которых его отвлекают повседневные земные дела и заботы. В Средние века с этими сферами связывали соответственно семь учебных дисциплин: грамматика, логика и риторика (так называемый тривиум), арифметика, музыка, геометрия и астрономия (квадривиум). Более того, сами хрустальные сферы были не инертной массой наподобие стекла, а живыми духовными силами, над которыми властвовали ангельские существа, или, как говорил Платон, сирены. За пределами всего перечисленного находилось сияющее небесное царство,

---

² Имеются в виду греко-римская традиция и соответствующие названия.

где Бог в своем величии сидел на триедином троне; так что, когда душа после смерти, возвращаясь к своему создателю, снова проходила через семь сфер, она сбрасывала в каждой соответствующее свойство и, обнаженная, прибывала на суд. Считалось, что император и римский папа правили на земле согласно законам и воле Бога, олицетворяя его власть и могущество в действии для всего христианского мира. Таким образом, в представлениях средневековых мыслителей наблюдалось идеальное согласие между строением Вселенной, канонами общественного строя и индивидуальным благом. Соответственно, через беспрекословное послушание христианин мог находиться в гармонии не только с обществом, но и с благой частью своего внутреннего мира и со всем мирозданием. Христианская империя была земным отражением небесного порядка: ее иерархическая организация с одежаниями, тронами и церемониями роскошных императорских дворов была вдохновлена образами Царства Господня, а в звуках колоколов кафедральных соборов и напевах церковных хоров эхом отзывались неземные ангельские голоса.

Данте в своей «Божественной комедии» раскрыл образ Вселенной, который идеально соответствовал представлениям его времени: и утвержденным церковью, и принятым наукой. Считалось, что когда сатана за гордыню и неповиновение был изгнан с небес, он упал вниз, как пылающая комета, и, ударившись о Землю, пропахал ее до самого центра. Прорытый им чудовищный кратер стал огненным провалом в ад, а огромная масса сдвинутой земли, вытолкнутая наружу, образовала на противоположной стороне Земли гору чистилища, которое Данте изобразил вздымающимся к небесам, прямо как Южный полюс. В его представлении все Южное полушарие находилось под водой, только эта могучая гора возвышалась над морем, и на вершине ее находился земной рай, из центра которого вытекали четыре священные реки, о которых говорит Священное Писание.

По всей видимости, когда Колумб поднял паруса и отправился за «синее море», которое, как верили многие его ближние (а возможно, и команда), было пограничным океаном, окружающим дискообразную Землю, сам он представлял образ, схожий скорее с миром по Данте, — об этом фактически говорится в его дневниках. Оттуда мы узнаем, что в ходе третьего плавания, когда Колумб впервые добрался до северного побережья Южной Америки, с большой опасностью пройдя на своем непрочном судне между Тринидадом и материком, он отметил гигантскую массу пресной воды, примешивающейся там к соленой (разливающейся из устьев Ориноко). Ничего не зная о лежащем впереди континенте, но в полном соответствии со средневековыми теориями он предположил, что пресные воды могли бы истекать из одной из рек рая, впадающих в южное море у подножия огромной антиподной горы. Кроме того, свернув на север, Колумб заметил, что корабли идут гораздо быстрее, чем во время пути на юг, и счел это подтверждением того, что теперь они плывут под уклон от подножия мыса мифической райской горы.

Думаю, что 1492 год знаменует собой окончание — или, по крайней мере, начало конца — власти старых мифологических систем, с незапамятных времен поддерживающих и вдохновляющих людские жизни. Вскоре после эпохального плавания Колумба совершил кругосветное путешествие Магеллан. Незадолго до этого Васко да Гама доплыл вокруг Африки до Индии. Землю начали систематически исследовать, и прежняя символически-мифологическая география оказалась дискредитирована. Пытаясь доказать, что где-то на земле существует Райский сад, Фома Аквинский всего лишь за два с половиной века до плавания Колумба писал: «Рай отрезан от обитаемого мира горами, или морями, или какой-то выжженной солнцем территорией, которую невозможно пересечь; поэтому люди, описывающие географические особенности земель, не упоминают о нем».

Пятьдесят лет спустя после первой экспедиции Колумба Коперник опубликовал свою работу о гелиоцентрической Вселенной (1543), а еще через шестьдесят с лишним лет небольшой телескоп Галилея принес наглядное подтверждение его идей. В 1616 году Галилей был

осужден святой инквизицией – так же, как мальчик, сидевший рядом со мной, был осужден матерью, – за то, что придерживался и обучал теории, противоречащей Священному Писанию. Конечно, сегодня на вершинах гор стоят телескопы намного крупнее, например Маунт-Вилсон в Калифорнии, Паломарская обсерватория в том же штате, Китт-Пик в Аризоне и Халеакала на Гавайях. Теперь точно установлено не только то, что Солнце находится в центре нашей планетной системы, но и то, что оно – всего лишь одно из двухсот миллиардов солнц в галактике таких же сверкающих небесных светил, галактике, по форме похожей на гигантскую линзу диаметром многие сотни квинтильонов миль. И не только это! Наши телескопы теперь находят мерцающие точки, представляющие собой не светила, но целые галактики, каждая из которых столь же велика и непостижима, как наша, – уже тысячи и тысячи их обнаружены.

Воистину, чудо Вселенной, которое показала нам наука, – откровение гораздо более удивительное и невероятное, чем все, что мог представить себе донаучный мир. Картина мира размером с кукольный домик, нарисованная в Библии, рядом со всем этим годится разве что для детей, – а фактически не годится и для них, судя по словам юного искателя истины, сидевшего рядом со мной в кафе. Со своим «Да, я знаю, но это же была научная работа» он уже нашел способ оградить собственное познание мира от разваливающейся средневековой постройки – материнской церкви.

Рассыпались все древние мифические представления не только о природе Вселенной, но и о происхождении и истории человечества. Уже во времена Шекспира сэр Уолтер Рэли, прибыв в Америку и увидев множество новых животных, не известных по ту сторону океана, как капитан торгового судна осознал, что Ной просто не смог бы собрать представителей всех земных видов в одном ковчеге, как бы тот ни был велик. Библейское сказание о Всемирном потопе оказалось недостоверным, короче говоря, «не фактуализировалось». И сегодня мы (усугубляя ситуацию) датируем самое раннее появление человекообразных существ на земле на миллион лет раньше библейской даты сотворения мира. Большие палеолитические пещеры Европы датируются примерно 30 000 г. до н. э., земледелие возникло около 10 000 г. до н. э., первые же большие города появились приблизительно в 7000 г. до н. э. Но Каин, старший сын Адама, первого человека, назван в Библии земледельцем (Быт. 4:2) и строителем города Енох в земле Нод на востоке от Эдема (Быт. 4:17). Библейская «теория» снова оказалась ложной: «они нашли кости!».

Нашли еще и здания, что опять не согласуется со Священным Писанием. Например, период египетской истории, предположительно описанный в Исходе, – правление Рамзеса II (1301–1234 гг. до н. э.), или, может быть, Мернептаха (1234–1220 гг. до н. э.), или Сети II (1220–1200 гг. до н. э.) – хорошо представлен останками сооружений и иероглифических надписей. Однако в них нет ни одного упоминания о чем-то похожем на известные библейские бедствия, никаких свидетельств даже сопоставимых событий. Более того, как говорят другие хроники, еврейские кочевники, «хабиру», уже вторгались в Ханаан во времена правления Эхнатона (1377–1358 гг. до н. э.), на сотню лет раньше правления Рамзеса. Как бы там ни было, суть в том, что древнееврейские тексты, из которых выросли все эти популярные иудейские предания о сотворении мира, исходе, сорокалетнем скитании по пустыне и завоевании Ханаана, не были созданы Богом или неким Моисеем, а относятся к разным эпохам, написаны разными авторами, и все – намного позже, чем считалось ранее. Первые пять книг Ветхого Завета (Тора) были сформированы уже после Ездры (IV в. до н. э.) из текстов, датируемых периодом с IX в. до н. э., – так называемые источники Яхвист (J) и Элохист (E) – до приблизительно II в. до н. э. – источник (P), или «Священнический кодекс». Можно заметить, например, что существуют два описания Всемирного потопы. Из первого мы узнаем, что Ной собрал в ковчег «от всякой плоти по паре» (Быт. 6:19–20; источник P, период после Ездры), а из второго: «И всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского» (Быт. 7:2–3; источник J, около 800 г. до н. э., плюс-минус 50

лет). Еще мы обнаруживаем две истории о сотворении мира, более раннюю во второй главе Бытия, а более позднюю – в первой. Во второй главе говорится, что был насажден сад и создан человек, чтобы возделывать его, затем появились животные, и наконец, как в сказке, из ребра Адама сотворена «мать всех живущих» Ева. С другой стороны, в первой главе Бог, один над космическими водами, сказал: «Да будет свет» и так далее, после чего, шаг за шагом, возникает Вселенная: сначала свет, три дня спустя солнце; затем растения, животные и в конце концов человечество – сразу и мужчина, и женщина. Первая глава Бытия датируется приблизительно IV вв. до н. э. (период Аристотеля), а вторая – IX–VIII вв. до н. э. (время Гесиода).

Сравнительные культурологические исследования продемонстрировали, вне всякого сомнения, что подобные мифические легенды можно обнаружить повсюду, где живет человек. Когда Кортес со своими католиками-испанцами прибыли в Мексику ацтеков, они сразу подметили в местной религии так много параллелей со своей собственной «истинной верой», что оказались в затруднении, пытаясь объяснить этот факт. Высокие пирамидальные храмы, олицетворяющие, ярус за ярусом, подобно Дантовой горе Чистилища, этапы вознесения духа. Тринадцать небес, каждое со своими богами или ангелами, девять кругов ада для страдающих душ. И над всем этим – Верховный Бог, существующий вне всякого человеческого разума и воображения. Был даже ассоциирующийся со змеей настоящий Спаситель, рожденный от девственницы, который умер и воскрес, и крест являлся одним из его символов. Чтобы объяснить все это, католические священники сочинили два собственных мифа. Первый заключался в том, что святой Фома, апостол Индии, вероятно, достиг Америки и проповедовал здесь Евангелие. Но земли эти были настолько далеки от влияния Рима, что вероучение исказилось, и обнаруженное конкистадорами было просто ужасно выродившейся формой их собственного Откровения. Второе объяснение гласило, что дьявол нарочно измышляет пародии на христианскую веру, чтобы помешать миссионерской работе.

Систематически сравнивая мифы и обряды человечества, современные гуманитарные науки почти везде находят легенды о девственницах, дающих рождение героям, которые умирают и воскресают. Индия изобилует такими сказаниями, и ее величественные храмы, в точности как ацтекские, олицетворяют нашу многоярусную вселенскую гору с раем на вершине и ужасными кругами ада внизу. У буддистов и джайнистов есть похожие представления. Оглядываясь назад, в дохристианское прошлое, мы обнаруживаем убитого и воскресшего Осириса в Египте, Таммуза в Месопотамии, Адониса в Сирии и Диониса в Греции – все это послужило ранним христианам моделью для образа Иисуса.

В то время представители всех больших цивилизаций были склонны толковать собственные символические образы буквально, а следовательно, считать себя в каком-то смысле избранными, приближенными к Абсолюту. Даже политеистические греки и римляне, индусы и китайцы, способные с пониманием относиться к чужим богам и обычаям, считали себя выше всех или, по крайней мере, в чем-то превосходящими других; а уж для монотеистов – иудеев, христиан и мусульман – чужие боги являлись и не богами вовсе, а демонами, а поклоняющиеся им представлялись безбожниками. Вследствие этого Мекка, Рим, Иерусалим и, менее выражено, Бенарес и Пекин веками были, каждый по-своему, центрами вселенной, напрямую – как бы «горячей линией» – связанными с Царством Света, или Бога.

Сегодня к таким притязаниям никто не отнесется всерьез даже в детском саду. И в этом есть существенная опасность. Не только потому, что так уж заведено: массы всегда толкуют символы буквально, но и потому, что такие дословно прочитанные символические формы всегда были и фактически все еще являются опорой цивилизаций, поддержкой для их моральных устоев, единства, жизнеспособности и творческих сил. Следом за потерей подобного символа возникает неопределенность, а за ней – неустойчивость, поскольку жизнь – как понимали и Ницше, и Ибсен – требует жизнеутверждающих иллюзий. Там, где они были развеяны, не остается ничего надежного – ни прочных опор, ни нравственного закона. Мы уже видели, что,

например, случается с примитивными обществами, потревоженными цивилизацией белого человека. С дискредитацией своих старинных табу они тут же теряют стержень, распадаются и становятся рассадниками пороков и болезней.

Сегодня то же самое происходит с нами. Табу, происходящие из древних мифов, разрушены нашей же собственной современной наукой. В итоге повсюду в цивилизованном мире быстро растет уровень безнравственности и преступности, психических расстройств и наркотической зависимости, насилия и отчаяния, увеличивается число убийств и самоубийств, распавшихся семей и испорченных детей. Это – факты, а не мои выдумки. Они придают убедительности призывам проповедников к покаянию, пересмотру взглядов и возврату на путь истинный: к прежней религии. И они же бросают вызов современному педагогу, верному собственным взглядам и принципам. Что делать добросовестному преподавателю, обеспокоенному моральными качествами своих студентов так же, как их научными познаниями, – хранить преданность мифам, на которых держится цивилизация, или все же «подтвержденным фактами» истинам своей науки? Действительно ли первое противоречит второму? Разве не существует какого-то мудрого способа выйти за рамки противоречий между заблуждениями и истиной, чтобы снова сделать жизнь цельной?

Я бы сказал, что на сегодня это главный вопрос в воспитании детей. Несомненно, именно эта самая проблема сидела в тот день рядом со мной за стойкой кафе. Тогда и учитель, и мать оказались на стороне уже устаревшей иллюзии. Обычно – или так мне кажется – большинство охранителей общества склонны поступать именно таким образом, используя свой авторитет не в защиту, а против поиска смущающих истин. Подобная тенденция недавно обнаружилась даже среди социологов и антропологов в дискуссиях о происхождении человека. И можно с готовностью понять, даже в какой-то мере разделить их беспокойство, поскольку мир кормится ложью, и в конце концов, не то что немногие, а лишь редкие люди способны принять вызов истины и жить в соответствии с ней.

Я твердо убежден, что лучший ответ на этот важнейший вопрос принесут открытия психологов, в особенности тех, которые имеют дело с происхождением и природой мифа. Нравственные устои сообществ всегда основывались на мифах, которые канонизировались в форме религии. Поскольку влияние науки на мифологию ведет – очевидно неизбежно – к нарушению морального равновесия, придется выяснить, так ли уж невозможно осмыслить с научной точки зрения жизнеутверждающую природу мифов. Нельзя ли, критикуя отжившие черты, не отвергать и не отрицать их необходимость – так сказать, не выплескивая вместе с водой ребенка (целые поколения детей)?

Как я уже сказал, распространенные верования традиционно рассматривают персонажей и события мифов как фактическую истину, – особенно это относится к иудаизму и христианству. Исход из Египта *состоялся*, Воскресение Христа *произошло*. Историческая наука ставит под сомнение подобные факты – а следовательно, и моральные принципы, которые на них опираются.

Тем не менее, когда эти сюжеты рассматриваются не как хроника происшествий, а как воображаемые события, мысленно наложенные на историческую канву, когда приходит осознание их сходства с подобными «историями», рожденными в любом другом месте – в Китае, Индии и на Юкатане, – суть дела становится очевидной. Универсальные мифологические образы, безусловно, следует отклонить в качестве фактов истории и принять как факты разума, «правду разума, явленную через фантазийное содержание», как однажды сформулировала моя знакомая, покойная Майя Дерен. На историках, археологах и специалистах по доисторической эпохе лежит задача выявить непригодность мифов как источника фактов, подтвердив, что нет одного богоизбранного народа в многонациональном мире, нет обретенной истины, которой мы все должны поклоняться, нет одной единственно верной церкви. В то же время все более насущной и даже безотлагательной задачей психологов и специалистов по сравнительной

мифологии становится не только распознать, проанализировать и объяснить спрятанные в символах «факты разума», но выработать способы сохранить их здоровый дух и – поскольку старые традиции исчезают вместе с уходящим прошлым – помочь человечеству познать и понять систему фактов мира собственной души так же, как окружающего мира.

В этом плане за последние примерно три четверти века позиция психологов претерпела заметное изменение. Читая великую и заслуженно превозносимую «Золотую ветвь» сэра Джеймса Фрэзера, первое издание которой вышло в 1890 году, мы вступаем в диалог с типичным автором XIX века, который был убежден, что суеверия мифологии в конце концов будут опровергнуты наукой и навсегда забыты. Он видел основу мифа в магии, а магии – в психологии. Однако его психология была преимущественно рационалистичной по сути, недостаточно внимательной к глубинным иррациональным побуждениям нашей натуры; он предполагал, что достаточно показать неразумность обычая или верования, и они тут же исчезнут. Легко убедиться, как он ошибался, застав любого профессора философии в боулинге: понаблюдайте, как он крутится и изгибается, когда уже выпустил шар из руки и хочет, чтобы тот катился по зигзагу, собирая кегли. Фрэзеровское объяснение магии состояло в том, что если одно явление ассоциируется с другим в сознании, люди начинают верить в их связь на самом деле. Потрясите погремушкой, напоминающей шум дождя, и вскоре пойдет дождь. Совершите ритуальное совокупление, и плодородие почвы восстановится. Фигурку врага, названную его именем, напшигуйте булавками, и тогда враг умрет. Можно, впрочем, воздействовать на обрывок одежды, прядь волос, обрезок ногтя или другую частицу, некогда соприкасавшуюся со своим хозяином, и получить похожий результат. Первый закон магии по Фрэзеру гласит, что «подобное производит подобное», «следствие похоже на свою причину», а второй – что «предметы, которые однажды находились в соприкосновении друг с другом, продолжают действовать друг на друга на расстоянии и после потери прямого контакта». Фрэзер считал, что и магия, и религия главной и конечной целью имеют власть над внешним миром, причем магия действует механически, подражательными действиями, а религия – молитвами и жертвоприношениями, обращенными к персонифицированным силам, предположительно управляющим природными явлениями. Похоже, он вообще не задумывался об актуальности и важности магии и религии для внутреннего мира, поэтому был уверен, что по мере научно-технического прогресса магия и религия постепенно исчезнут, ведь цели, которым они, по его мнению, служат, лучше и гораздо надежнее обеспечиваются наукой.

Как бы там ни было, одновременно с томами Фрэзера в Париже вышел ряд не менее важных публикаций выдающегося невролога Жана-Мартена Шарко об истерии, афазии, гипнотических состояниях и тому подобном, помимо прочего продемонстрировавших связь полученных результатов с иконографией и искусством. Зигмунд Фрейд, прошедший 1885 год под его руководством, за первую четверть нынешнего века вывел изучение истерии, сновидений и мифов на новую глубину. Согласно взглядам Фрейда, мифы являются психологическим каркасом сновидений. Мифы – это, так сказать, сны общества, а сновидения – личные мифы. По его мнению, и то и другое – симптомы подавления детского влечения к кровосмешению, а единственное существенное отличие религии от невроза состоит в том, что первая в большей степени публична. Человек с неврозом ощущает стыд, одиночество и обособленность в своей болезни, тогда как боги являют собой проекции общества на экран Вселенной. Религия и неврозы в равной степени – проявления подсознательных навязчивых страхов и заблуждений. Более того, все виды искусств, в частности религиозных, представляются Фрейду одинаково патологичными, впрочем, как и любая философия. Сама цивилизация, по сути, является патологическим заменителем для подсознательных детских разочарований. Фрейд, как и Фрэзер, оценивал сферы мифов, магии и религии отрицательно, считал их ошибками, которые в конце концов будут опровергнуты, превзойдены и вытеснены наукой.

Совершенно другой подход обозначил Карл Густав Юнг, в представлении которого образы мифологии и религии служат положительным, жизнеутверждающим целям. Согласно его точке зрения, у каждой из наших «внутренностей» – не только связанных с сексом и агрессией – есть своя цель и назначение; одни подчиняются сознательному контролю, а другие – нет. Наше ориентированное вовне сознание, нацеленное на повседневные заботы, может потерять контакт с этими внутренними силами, и правильно прочитанные мифы, утверждает Юнг, служат средством восстановить его. Языком образов они рассказывают человеку о духовных силах, которые ему нужно познать и интегрировать в жизнь, о силах, которые представляют ту мудрость человеческого рода, благодаря которой мы пережили тысячелетия. Их нельзя замечать или вытеснить открытиями науки, которая имеет отношение скорее к внешнему миру, чем к глубинам, в которые мы погружаемся во сне. Посредством диалога с этими внутренними силами в сновидениях и через изучение мифов мы можем шире и глубже исследовать собственное, более мудрое внутреннее «Я» и примириться с ним. Таким образом, общество, которое лелеет и поддерживает жизнь своих мифов, сможет подпитываться из чистейших и богатейших духовных источников.

Однако в этом есть и опасность. Сновидения и мифы, унаследованные из архаики, могут оторвать от мира современного сознания, законсервировать человека в непригодных для жизни сегодня шаблонах архаичных переживаний и мышления. По этой причине, утверждает Юнг, нужен диалог, а не впадение в одну из крайностей, непрерывный диалог посредством символических форм, которые возникают в подсознании и осмысливаются сознанием.

Что же происходит с детьми общества, которое отказывается от возможности подобного взаимодействия и, цепляясь за свои родовые сновидения как за непреложный атрибут абсолютной истины, отвергает все, что предлагают сознание, разум, наука, и факты? Есть одна известная история, которая может послужить подходящим предупреждением.

Как знает любой школьник, то, что мы считаем наукой, предположительно зародилось в античной Греции. Аккумулированные там знания распространились и стали известны в Азии, через Персию в Индии и еще дальше, в Китае. Но в каждом из восточных царств к тому времени уже получили развитие собственные направления мифологической мысли, и на объективные, прагматические, исследовательские и экспериментальные подходы греческой науки не обратили внимания. Сравните, например, с научной точки зрения науку в Библии, священной книге Востока, составленной в основном после того, как маккавеи избавились от греческого влияния, – скажем, с наукой Аристотеля, не говоря уж об Аристархе Самосском (ок. 275 г. до н. э.), для кого Земля была небесным телом, вращающимся по орбите вокруг солнца. Эратосфен (ок. 250 г. до н. э.) уже верно вычислил окружность Земли, равную 250 000 стадиев (39 689 км, точная длина по экватору 40 075 км). Гиппарх (ок. 240 г. до н. э.) рассчитал с точностью до нескольких миль диаметр Луны и среднее расстояние до нее от Земли. И просто попробуйте представить, сколько пролилось крови, пота и настоящих слез – ведь за ересь людей сжигали на костре, – всего этого можно было избежать, если бы вместо закрытия всех языческих школ Греции в 529 г. н. э. Юстиниан поддержал их! Вместо этих школ мы и наши потомки получили первую и вторую главы Книги Бытия и более чем тысячелетнюю задержку развития не только науки, но и всей мировой культуры.

Одну из самых интересных историй того, куда заводит отказ от науки, мы можем увидеть в исламе, который сначала принимал, одобрял и даже развивал наследие Античности. На протяжении примерно пяти-шести столетий «золотого века ислама» мусульмане оставили впечатляющий след в развитии научной мысли, экспериментировании и исследованиях, особенно в области медицины. Но затем, увы, авторитет общины, сунны, согласия, провозглашенных пророком Мухаммедом, рухнул. Слово Божие, запечатленное в Коране, было признано единственным источником и проводником истины, а научная мысль – «ведущей к утрате веры в происхождение мира и в его Творца». В итоге как раз в то самое время, когда свет учения

древних греков начал доходить от мусульманского мира до Европы – начиная примерно с 1100 года, – мусульманские наука и медицина застыли и омертвели, а вместе с ними и сам ислам. Факел не только научного, но и исторического прогресса перешел к христианскому Западу. Мы можем подробно наблюдать за чудесным развитием науки с начала XII века через историю отважных и блестящих умов, чьи открытия превзошли всё сделанное за всю долгую жизнь человечества. Величину нашего долга перед этими умами не сможет оценить тот, кто никогда не ступал на одну из земель, лежащих за пределами этого европейского периода. Все социальные преобразования у так называемых «развивающихся народов» сегодня, как и веками ранее, являются результатом не длительных процессов, а внешних вмешательств и их последствий. Каждая малая группа закрепляется в своей собственной укоренившейся, застывшей мифологии, изменения происходят только в результате столкновений – как, например, когда в Индию вторглись воины ислама и какое-то время был неизбежен обмен идеями, или после прихода британцев, принесшего следующую эру потрясающих и неожиданных открытий. С другой стороны, в современном западном мире, благодаря немногим храбрецам, неустанно, чистосердечно и непредвзято ищущим предела бесконечной истины, идет последовательный и непрерывный плодотворный рост, по сути идентичный расцвету живого организма.

Итак, что означает слово «истина» для современного ученого? Конечно, не то же самое, что для мистика! Действительно великим и существенным в научном откровении – и это самое замечательное и многообещающее – является то, что наука не претендует и не может претендовать на звание абсолютной истины ни в каком смысле. Она не собирается говорить «последнее слово». Это умозрительное выстраивание не более чем «рабочих гипотез» («Ох, уж эти ученые!» – «Да, я знаю, но они нашли кости»), которые просто учитывают все известные на текущий момент факты, имеющие отношение к делу.

Нет ли тут неявного намерения успокоиться на некоем окончательном объяснении или достаточном количестве фактов?

Конечно же, нет! Поиск нового будет только продолжаться – поскольку разум стремится расти. И такое развитие, пока оно идет, будет мерой жизни современного западного человека, мерилем мира со всеми его исполненными обещаниями и теми надеждами, которые он все еще продолжает осуществлять: мира перемен, новых мыслей, новых вещей, новых открытий и постоянного преобразования, а не окостенения, ригидности и когда-то открытых «истин», превратившихся в общеобязательный канон.

Итак, друзья мои, ничего мы не знаем, и даже наша наука не может рассказать нам правду, поскольку она не больше чем стремление к истине, неважно, куда оно может завести. И поэтому мне кажется, что здесь нас снова ожидает открытие, более великое и жизненное, чем все, что древние религии когда-либо дали или даже просто внушили нам. Старинные тексты успокаивают нас перспективами. Они говорят, что где-то там есть любящий, добрый и справедливый отец, который, поглядывая на нас свысока, готов принять нас и вечно думает о наших драгоценных жизнях. С другой стороны, согласно научной точке зрения, никто не знает, что такое «где-то там» и существует ли оно вообще. Пока все, что нам известно, есть область феноменологии, в которой органы чувств транслируют в наш мозг информацию о внешних явлениях в соответствии с природой нашего разума. Есть не менее потрясающая область воображения, транслирующего внутренние образы, – наиболее полно мы воспринимаем их по ночам, во сне, но они в любое время могут вмешаться в нашу дневную жизнь и иногда даже разрушить ее, ввергнув нас в безумие. Мы можем только догадываться о возможном происхождении этих образов, и внешних, и внутренних, и по возможности продвигаться вперед, опираясь на гипотезы. Что они такое, откуда и почему (перечислите все, что принято спрашивать) – абсолютная тайна. Приходится признать: пока точно известно только одно – что ничего неизвестно.

Больше нет никаких «Да будешь ты...» или «Да не будет у тебя...». Нет ничего, во что нужно верить, и ничего, что следует делать. С другой стороны, каждый по-прежнему может –

если, конечно, хочет – принять для себя правила старинной игры Средневековья, или какой-нибудь из игр Востока, или даже первобытной. Мы живем в трудное время, и для тех из нас, кто потерял силу духа, любые способы, ограждающие от сумасшедшего дома, достаточно хороши.

Когда зимой 1954 года я был в Индии, один индийский джентльмен примерно моего возраста, с которым мне довелось беседовать, спросил, выждав паузу после того, как мы обменялись любезностями: «Что вы, западные ученые, нынче скажете о датировке Вед?»

Следует знать, что Веды для индуса – то же самое, что Тора для иудея: его самые древние священные книги, содержащие наивысшее откровение.

«Ну, – ответил я, – дата появления Вед недавно была признана более поздней, и теперь определяется, как я полагаю, где-то 1500–1000 годами до нашей эры. Как вы, вероятно, знаете, – добавил я, – в самой Индии были найдены останки более ранней цивилизации, чем ведическая».

«Да, – сказал индийский джентльмен без раздражения, но твердо, со вздохом невозмутимой уверенности, – я знаю, но как ортодоксальный индуист не могу поверить, что во вселенной есть что-либо древнее Вед».

Он действительно так и считал.

«Ладно, – сказал я, – тогда зачем спрашивали?»

Однако, отдавая должное старой Индии, позвольте мне закончить фрагментом индуистского мифа, который, как мне кажется, с помощью весьма удачного образа ухватил суть тенденции, с которой мы все столкнулись сегодня, в критической точке истории человечества. Он рассказывает о древних временах, когда боги и их главные враги, демоны, были заняты одной из своих вечных войн. На этот раз они решили заключить перемирие и совместными усилиями взбить Молочный океан – Море вселенной – в масло бессмертия. В качестве палки-маслобойки они взяли Космическую гору (ведический аналог горы Чистилища у Данте), а в качестве шнура для вращения обернули вокруг горы Мирового змея. Затем все боги потянули за змеиную голову, демоны – за хвост, таким образом заставив Космическую гору вращаться. И крутили они так тысячи лет, пока из вод не поднялась огромная черная туча исключительно ядовитого дыма, и пахтание пришлось остановить. Они пробились к беспримерному источнику силы и первым делом испытали на себе ее негативное, смертельное воздействие. Чтобы продолжить работу, кому-то было необходимо проглотить и выпить ядовитую тучу. Все знали, что на такое был способен лишь один из них – изначальный бог йоги, Шива, ужасный и демонический. Он просто собрал весь яд в свою миску для подаяния и одним глотком выпил до дна, с помощью йоги задержав отраву на уровне горла, которое после этого посинело, а сам он с тех пор стал известен как «Синее горло», Нилаханта. Когда изумительное деяние свершилось, все вернулись к общей работе. И вертели они, и вертели, и снова вертели без усталости, пока – глядите-ка! – из Космического моря не начали во множестве возникать удивительные блага: луна, солнце, слон с восемью хоботами, великолепный конь, чудодейственные лекарства, и – да, наконец! – огромный сияющий сосуд, наполненный амброзией.

Я считаю, что этот старинный индийский миф может стать для современного мира отличной притчей – призывом не сдаваться и продолжать свой труд, несмотря на страхи.

Глава II. На заре человечества (1966)

Мифология, несомненно, является ровесницей человечества. В самом далеком прошлом – насколько мы смогли проследить по фрагментарным и разрозненным ранним свидетельствам возникновения нашего вида – были обнаружены признаки, указывающие, что уже тогда творчество и быт *Homo sapiens* формировались целями и соображениями, основанными на мифе. Подобные подтверждения говорят нам нечто важное о единстве нашего вида, поскольку основные темы мифологической мысли остались неизменными и всеобщими не только на протяжении всей истории человечества, но и на всем земном пространстве, где живут люди. Обычно, обсуждая эволюцию человека, ученые концентрируются на физических признаках, анатомических особенностях, которые отличают нас: вертикальное положение тела, большой мозг, число и расположение зубов, противостоящий большой палец, позволяющий нашим рукам управляться с орудиями труда. Профессор Луис Лики, чьим открытиям в Восточной Африке мы обязаны большей частью того, что знаем о самых ранних гоминидах, назвал самую человекоподобную из своих первых находок – около 1,8 млн лет до нашей эры – *homo habilis*, Человеком умелым. Это название прекрасно подошло малому, который, возможно, был первым мастером по изготовлению примитивных орудий труда. Однако когда вместо физических мы рассматриваем психологические признаки нашего вида, самое очевидное отличие – организация жизни в соответствии, прежде всего, с целями и законами, диктуемыми мифом, и только во вторую очередь – с обусловленными экономически. Да, еда и питье, размножение и постройка жилища играют в жизни человека роль не менее важную, чем у шимпанзе. Но что насчет экономической целесообразности египетских пирамид и средневековых соборов, умирающих с голоду индусов, вокруг которых бродят пригодные в пищу коровы, наконец, истории Израиля со времен Саула до наших дней? Если надо назвать главное отличие психологии человека от психологии животных, это, несомненно, подчинение мифологическому даже хозяйственной сферы деятельности. Вопрос: почему же, каким образом нематериальный порыв подмял под себя требования физической жизни? Ответ прост: в удивительном человеческом мозгу однажды забрезжило понимание, неведомое остальным приматам. Это было осмысление себя как личности и осознание, что и ты сам, и те, кто важен для тебя, однажды умрут.

Признание своей смертности и потребность ее преодолеть являются первым большим толчком к формированию мифологии. Есть и еще один факт, осознание которого влияет на ее развитие: а именно то, что сообщество, в котором человек рождается, которое кормит и защищает его и которое он сам помогает кормить и защищать большую часть своей жизни, существовало задолго до его собственного рождения и останется после его ухода. Иначе говоря, отдельный представитель нашего вида не только осознает себя самого и угрозу смерти, но также сталкивается с необходимостью приспособиться к любым правилам жизни, принятым в обществе, где он родился, к порядку, довлеющему над его личными желаниями, к сверхорганизму, в который он должен быть принят, через сопричастность которому он придет к жизни, побеждающей смерть. В каждой мифологической системе из тех, что от начала времен, включая доисторическую эпоху, распространились по разным областям и территориям Земли, эти две основные идеи – неизбежности личной смерти и долговечности общественного порядка – были символически объединены и составляли стержень, на котором держались ритуалы, а следовательно, и само общество.

Однако взрослеющий в первобытном обществе охотников мальчик должен был приспосабливаться к социуму, полностью отличному от того, к которому нужно адаптироваться подросткам в промышленной стране вроде нашей. Между этими двумя крайностями – неисчислимое множество общественных укладов. Следовательно, двойственная идея, о которой я только что говорил, определяет не только единство нашего вида, но также и его разнообразие. Хотя

каждого ожидает смерть, народы мира относятся к ней весьма по-разному. Соответственно, межкультурное исследование мифологий человечества должно обратить внимание не только на общие сюжеты, но и на их трансформацию в частностях.

Третий фактор, мощно влияющий на формирование мифологий, еще одна сфера опыта сугубо человеческого, который взрослеющая личность неизбежно получает по мере развития способности мыслить и наблюдать, – театр Вселенной, мир природы, в котором оказывается человек. Загадочна связь между существованием человека и этим миром, загадочны его величие, вечная переменчивость и вечное возвращение на круги своя. Представление человека о Вселенной сильно поменялось на протяжении тысячелетий, особенно – совсем недавно, после усовершенствования наших исследовательских инструментов. Но большие сдвиги были и в прошлом: например, во времена расцвета ранних шумерских городов-государств, с появлением жрецов, наблюдающих за небесными траекториями, или во времена физиков и астрономов Александрии с их концепцией земного шара внутри семи вращающихся небесных сфер.

По этой причине при анализе мифов, легенд и соответствующих обрядов, помимо определенных постоянных сюжетов и принципов, нужно распознавать и частности, обусловленные не только разнообразием общественных систем, но и природными особенностями, которые в течение тысячелетий формировали и меняли представление человека об окружающем мире.

Более того, в свете археологических находок становится очевидным, что в течение первобытных эпох происходило общее центробежное расселение народов во все стороны, различные популяции все дальше и дальше обособлялись друг от друга, и каждая вырабатывала свои собственные способы применения разделяемых всеми общих идей и соответствующие их трактовки. Теперь же мировые транспорт и средства связи снова объединяют человечество, и различия стираются. Прежние расхождения, отделяющие одну систему от другой, становятся сейчас все менее и менее значимыми, все менее заметными. Наоборот, становится важно научиться увидеть за различиями общие внутренние сюжеты, которые возникли, когда пращуры человека впервые поднялись над уровнем развития животных, и по-прежнему пребывают с нами.

Еще одно соображение, прежде чем перейти к следующему вопросу: в наши дни – по крайней мере, в ведущих современных центрах культурного творчества – люди начали воспринимать наличие обеспечивающего их жизнь общественного порядка как само собой разумеющееся. Вместо того чтобы стремиться защищать и укреплять общество, они стали концентрироваться на развитии и защите индивидуума – не как части государства, а как отдельной сущности и конечной меры всех вещей. Такая ситуация характеризует собой исключительно важный, беспрецедентный сдвиг точки зрения, последствия которого для будущего мифологии мы еще обсудим.

Давайте, однако, сначала рассмотрим некоторые значимые различия в традиционных взглядах, давшие начало противоречивым трактовкам общих мифов в различных частях мира.

Что касается первых книг и глав Библии, то и для иудеев, и для христиан было общей нормой понимать повествования о происхождении вселенной и подлинных доисторических событиях буквально, как достоверные свидетельства. Считали и учили, что мир был сотворен за семь дней неким Богом, известным только иудеям, что где-то на этой просторной новой земле находился эдемский сад со змеем, умеющим говорить, что первая женщина Ева была создана из ребра первого человека и что злой змей рассказал ей о чудесных свойствах плодов, которые Бог запретил паре есть. Вследствие того, что первые люди съели плод, случилось грехопадение всего человечества, смерть вошла в мир, а пару изгнали из сада. Ибо в саду было и второе дерево, плоды которого могли даровать вечную жизнь; Создатель, боясь, как бы люди теперь не поели еще и от него, став такими же знающими и бессмертными, как он сам, проклял их и изгнал, а у ворот сада поставил херувима с пламенным мечом, охраняющего все подступы к древу жизни.

Сегодня кажется невероятным, но люди еще верили во все это едва ли не полвека назад: священники, философы, государственные чиновники и прочие. Сегодня мы знаем – и знаем точно, – что ничего подобного не было: на земле нет никакого эдемского сада, змеи никогда не могли говорить, никогда не происходило ни доисторического грехопадения, ни изгнания из сада, ни Всемирного потопа, не существовало и Ноева ковчега. История, на которой были основаны ведущие западные религии, является сборником вымыслов. Но что удивительно, такие выдумки были широко распространены и стали базовыми преданиями многих других религий. Их двойники обнаруживаются повсюду – и тем не менее, не было никогда таких сада, змеи, дерева и потопа.

Как объяснить эти странности? Кто придумывает эти невероятные истории? Откуда берутся эти образы? И почему – несмотря на явную абсурдность – им так благоговейно верят повсюду?

Предположу, что, сравнивая разные мифологические традиции разных частей света, можно прийти к пониманию их силы, источника и возможного смысла. Они не историчны. Это совершенно ясно. Следовательно, они говорят не о событиях внешнего мира, а о сущностях воображения. И поскольку они обнаруживают действительно всеобщие признаки, то в каком-то смысле должны отражать особенности воображения, присущие человеческой расе, неизменные свойства души человека или, как мы говорим сегодня, психики. Мифы говорят о фундаментальных темах, вечных базовых принципах, которые стоило бы познать. В сущности, их необходимо исследовать, чтобы сохранить связь разума с тайными побуждениями и глубинами психики. Короче говоря, священные сказания с их образами являются посланиями разуму из уголков души, неизвестных бодрствующему сознанию. Если толковать их как хронику событий, имевших место в определенном пространстве и времени – будущем, настоящем или прошлом, – они неизбежно будут поняты превратно, воздействие их исказится, а функции символа примет на себя какой-либо второстепенный предмет: священный жезл, камень или животное, человек, событие, город или социальная группа.

Давайте чуть более пристально рассмотрим библейский образ сада.

Его название, Эдем, на иврите означает «наслаждение, место наслаждения». Английское Paradise происходит от персидского *пайри*, «вокруг», и *дайза*, «стена», по сути означая «огороженное стеной место». Очевидно, что Эдем – окруженный стеной сад наслаждения, в центре которого стоит огромное дерево – точнее, два: древо познания добра и зла и древо вечной жизни. Кроме того, из сада – как из неиссякаемого источника – в четырех направлениях текут четыре реки, питающие мир. А когда наши прародители, съевшие плоды, были высланы прочь, у восточных ворот сада поставили херувимов, чтобы (как мы уже слышали) преградить путь к возвращению.

Этот образ Эдема – описывающий не какое-то географическое место, а панораму души – внутри нас. Однако наш разум не в состоянии войти в него и насладиться вкусом вечной жизни, поскольку мы уже вкусили знание добра и зла. По сути, именно знание выгнало нас из сада, изгнало из собственной сердцевины. В итоге мы судим обо всем в категориях знания и переживаем только добро и зло вместо вечной жизни, которая, поскольку огороженный сад заключен внутри нас, уже должна быть нашей, хотя даже не осознанна. Таким представляется смысл мифа, если трактовать его не как рассказ о доисторической эпохе, а как описание внутреннего, духовного состояния человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.